

**Соловьев-Несмелов Николай
Александрович**

"Стебельки"

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович С.**
"Стебельки" / Соловьев-Несмелов Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 64 с.

ISBN 978-5-519-74853-7

Сборник рассказов, сказок и басен в прозе: Для детей школьного возраста

ISBN 978-5-519-74853-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

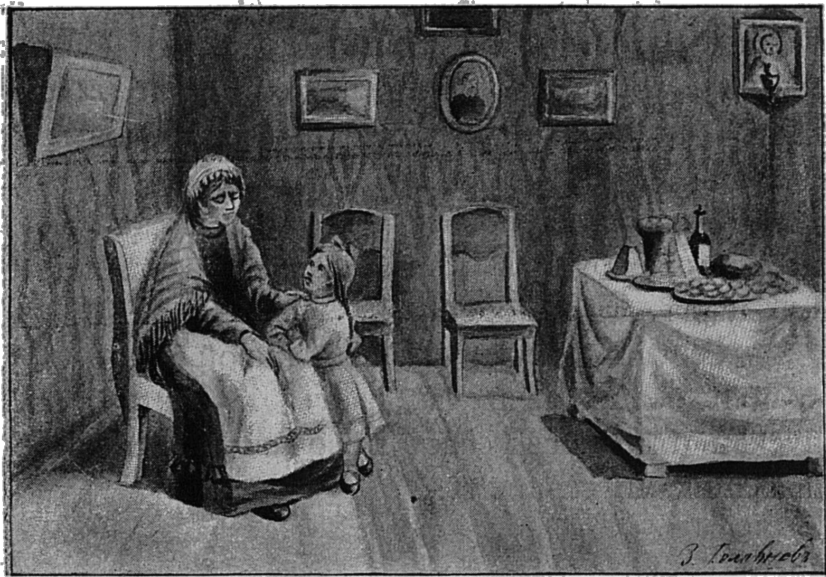
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Ты у насъ все подмѣтишь... все доглядишь, въ маменьку покойницу зоркая!.. Да, нынче, Аленушка, всѣ цѣлуются, всѣ... потому Христось Батюшка за всѣхъ людей равно страдалъ: за бѣднаго, сираго, голоднаго и за богатаго, довольнаго, разодѣтаго... И всѣмъ равно сказалъ: люди Мои, любите другъ друга, каждого, какъ

каждый любить самого себя, потому вы дѣти одного Отца небеснаго... Вотъ — въ дни памяти Его Свѣтлаго Воскресенія — люди забываютъ обиды и огорченія и при встрѣчахъ цѣлуются... въ селахъ и деревняхъ у насъ даже незнаемый съ незнаемымъ христосуются... Идетъ человѣкъ улицей, полемъ тамъ, встрѣтился съ другимъ человѣкомъ въ эти дни и, хотъ видитъ его и въ

первый разъ, говорить: «Христось Воскресе!..» А тотъ ему въ отвѣтъ: «Воистину Воскресе!..» и поцѣлуются, потомъ пойдетъ каждый своимъ путемъ-дорогой... Это святой обычай, Аленушка, и, слава Богу, онъ у насъ крѣпко въ простомъ человѣкѣ держится... хоть нѣсколько разъ въ году люди людьми бываютъ!..

И задумалась Аленушка, а свѣтлые глазки ея сияютъ радостно. Задумалась и старая няня, а улыбка, добрая улыбка не сходитъ со старческаго лица ея и освѣщаетъ его любовью и лаской.

— Няня, милая, позовемъ Нютку... пускай она у насъ нынче будетъ цѣлый день... и обѣдаетъ и чай пьетъ... Да, хорошо?!

— Сейчасъ пошлемъ за ней, живой рукой... Пускай и обѣдаетъ, и чай пьетъ, и спитъ тутъ... пускай отдохнетъ у насъ дѣвочка денекъ-другой праздниками сердцемъ.

Нянина сказка.

Няня!

- Что, милые?!
- На — тебѣ конфету! — подаетъ Оля.
- Бери орѣшки!.. — тянется съ рукой Сеня...
- Отъ меня фисташекъ!.. — говоритъ Поль.
- Благодарю покорно, родные, на ласкѣ... вишь, у няни-то зубовъ нѣтъ... Были у бѣлки зубы — орѣшки щелкала, растеряла — не до орѣховъ бѣлкѣ... Хвостъ поджала, — мякишемъ живи...
- Хочешь, нянечка, мы тебѣ нагрыземъ...

— Охъ, голубчики, старую тѣшатъ... Сами забавляйтесь пока зубки-то вострѣнькіе... нянька и такъ обойдется...

— И тебѣ и себѣ успѣемъ!.. А ты сказку скажи!

— Няня милая, расскажи... ты хорошо говоришь...

— Было въ одно время, правда ваша, говорлива была, теперь не то... языкъ сталъ заплетаться... и память старушечью вѣтромъ выдуваетъ...

— Нѣтъ, няня, и морщинки у тебя славные, и глаза ясные... хорошая ты, не старенькая... говори, милая...—ласкается Сеня...

— Улестили-таки, улестили, сизые голуби, — что съ вами дѣлать, — скажу, дайте срокъ съ мыслями собраться...

— Тише, Сеня!.. — дергаетъ брата Польш.

— Молчи, Польш!.. останавливаетъ брата Оля.

— Что пицишь... не начала еще она... только зѣвнула...

— Слушайте, родные...

— Ну, вотъ теперь смирно!.. — заявилъ Польш. Въ дѣтской тишина; всѣ замерли.

«— За горами, за долами,—начала Еремѣвна,— за широкими морями, лежитъ островъ на водѣ— такъ себѣ, — не малъ не великъ... Тотъ ли островъ — клокъ земной, — кустомъ, зеленью поросъ, посреди его стоитъ большущій стоярось... Людей нѣтъ тамъ ни души, а живутъ одни ко-

гы, сѣрые плуты,—лапки бѣленькія, хвосты черненькіе... Ихъ семейка невеличка: Симонъ, Вася, Семеонъ, Марья, Дарья и Іонъ... Вольно сѣрымъ, всѣмъ бы хорошо: зелень и вода, лишь однимъ бѣда — ходи смѣло и гуляй, — а питайся, какъ ужъ знай... Мыши, крысы на Буянѣ не живутъ,—

островъ тотъ звался Буянъ, — магазина, кладовыхъ нѣтъ для нихъ: мышь туда и не бѣжитъ, да и путь кругомъ водой омытъ... Воробьи трещать, утки крикаютъ, кулички свистятъ, — да поди-ка, ихъ слови, — день сиди, ночь лежи, жди все жди... Вотъ онъ близко дононосый — скокъ куликъ — порхъ, — въ небо и гляди, оставайся съ носомъ, — тамъ онъ высоко, лапкой не ухва-

тишь... Нѣтъ, видно, мясомъ сѣрымъ не живиться, — спать бы горемычнымъ отъ тоски, анъ и не спится, отъ голодныхъ сонъ бѣжить, во рту горитъ, въ ушахъ звенить... Плохо котамъ сѣрымъ, плохо: пропитанья нѣтъ... «Мяу-мяу, — котъ Семень пищитъ коту - Василью разъ, — какъ ты, свать?» — «Все то же, братъ, что нынѣ, что вчера»... — «Мнѣ невтерпѣжъ, изведемся такъ». — «Сякъ ли, такъли, — одно при насъ: сиди-годи». — «Жди-годи, а гдѣ, когда достать ѣды, — темно это, кумъ, — мнѣ пришло на умъ: идемъ-ка мы съ тобой на озеро, рыбой промыслять, — рыбы вволю тамъ, хватить и на нашу долю, будемъ и другихъ питать».

«— Ладно, вижу, — уменъ нашъ дѣдъ Семень... идемъ... — Шли-шли, глядь, осока на пути. — «Стой, Василій, вишь, вода». — «Такъ-то такъ, дѣдъ, — вижу это я, да нѣтъ къ ней ни отсюда, ни оттуда ни единого слѣда». — «И тутъ бѣда... вонъ-вонъ полоска, Вася, впереди, — туда-туда гляди». — «Вѣрно, дѣдъ, — старъ, а зорокъ глазъ... тамъ песокъ»... — Прыгъ-скокъ — и коты присѣли у воды... — «Ай!... — подскочилъ котъ - Василій, — дѣдъ, гляди какая рыбища метнулась!» — «Щука — это не про насъ — сама зубаста»... — «Ай, еще... гляди»... — «Молчи, ползи, — можетъ, окунь, аль карась, — оба смирны и вкусны»... Бросился Василій-котъ прямо въ воду головой... Карася сцѣпилъ и самъ ко дну идетъ... Тонетъ - стонетъ, — и карась-то вкусенъ и себя-то жаль... — «Гибну, гибну, дѣдушка Семень, — не

меня, такъ карася спаси, не на дно жъ ему итти!.. Видно, тошно тамъ ему, — трепещется, родимый; самъ тонетъ, глупый, топить и меня!..» — Дѣдушка Семень — старикъ съ умомъ, — вцѣпился зубомъ и когтемъ Васенькѣ за хвостъ, вытащилъ друга и съ карасемъ... «Моли Бога, Василий, — я-то былъ близенько, — ловить бы тебѣ ершей и не видать ни берега ни карасей!..» — «Ладно, полѣзай-ка, дѣдъ, самъ, — попытай-ка каковъ карась-то тамъ... Я тѣмъ временемъ маленечко обсушусь и червячка моей ловитвой заморю... Вишь, онъ, бѣдняга, худъ и малъ, — и одному не въ сытость, не въ ѣду»... — «Какъ такъ, Вася, кто изъ насъ, дуракъ, — кажись, и я ловилъ?..» — «Ловилъ, вѣрно что ловилъ, да не карася»... — «Эхъ ты, порося!.. — Мало, - мало!.. — Что дѣлать... и малымъ не подавись»!.. Засѣлъ котъ - Семень на песчаной косѣ. лапу въ воду опустилъ, сидитъ себѣ — отъ скуки тянетъ пѣсенку: «Ловись, ловись, рыбка, ловись, свѣженькая!..» Котъ Василий на песокъ валяется, въ усь не дуетъ, на карася любитъ... Карась мечется... — «Мечись, не мечись; а тебя, другъ сердечный, съѣмъ»... — «За что, Васенька?.. не ѣшь меня... я карась смиренный, — воды не мутить, чужой жизни не губить»... — «И, видно, смиренный, такъ тебѣ и повѣрили... не мутить, не губить... — совсѣмъ было меня утопилъ — и съ головой и съ лапками... Повѣрь только вашему смиренству, — вы и хвостъ отѣдите»... — «Нечѣмъ,

миленькій, зубовъ не имѣемъ»...—«Прикидывайся казанской сиротой — вась мы тоже знаемъ!..— Мало,-мало!.. вотъ такъ рыбка,— послалъ Господь!..» танцуетъ котъ-Семень по песчаному берегу, мотая лапой и мяукаетъ на весь островъ: «Вотъ такъ рыбка!..» Большой ракъ на лапкѣ у него кружится, усамй направо, налѣво трясеть, какъ грозный фельдфебель на ученьѣ. Не улежалъ при карасѣ Василий-котъ, сломя голову, къ рѣдкой рыбицѣ бросился... «Гляди-ка, Васенька, рыба-то... Что твой карась!..»—«Дѣдушка, давай мѣняйся!..—«Будешь смѣяться, Василий»...—«Давай, милый, мой карась,—тоже карась, не щепя, не трава».—«Знаю, что карась и есть карась, а не Гарась... развѣ ужъ потѣшить твою молодость?..»—«Потѣшь, дѣдко!..»—«Что дѣлать — я худа не помню,—давай, пожалуй, на промѣнъ пойдемъ... гдѣ же твой-то дрожавшій карась?..»—«Тамъ, у тальника—то молить, то пасть дереть,—воевать нарывать».—«Мой смиренъ, самъ въ ротъ лѣзетъ... Нака, вишь, какъ меня полюбилъ, а давно ли спознались, итти къ тебѣ не желаетъ».—«Дернулъ крѣпко-на-крѣпко котъ-Васька,—ракъ въ него вцѣпился»...

Няня замолкла...

— Ну няня, ну,—дальше-то что?—всѣ разомъ встрепенулись дѣти...

«— Что дальше... Котъ-Васька почти полдня возился надъ ракомъ, — сколько потовъ сошло съ него,—грызетъ-грызетъ, угрызть не можетъ; а

голодъ-то его пуше донимаетъ, а котъ-Семень карася слопалъ, водицы напился, лапкой умылся, голову помочилъ и... на мягкой муравѣ спать повалился»...

— Ха-ха-ха!.. нянечка, котъ-Семень обманулъ кота-Василья...

— Съ голоду, милые, съ голоду,—у котовъ это бываетъ...

